

«Состояние права» как объект научно-практического осмысления

Шульц В.Л.

доктор философских наук, профессор, заместитель президента РАН
член-корреспондент Российской академии наук

Бочкарёв С.А.

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Института государства и права РАН
E-mail: bochkarvs@mail.ru

Аннотация. В статье поставлен и предложен для обсуждения вопрос о возможности рассмотрения «состояния права» как объекта научно-практического осмысления. Отмечено, что названная категория часто обиходно используется в различных правовых контекстах и текстах, но еще не признана и не обоснована как понятие, имеющее собственное значение и место в теории. Высказано мнение о том, что «состояние права» может выступать эффективным методологическим средством для оперирования с текущими социальными и глобализационными процессами.

Ключевые слова: право, состояние права, социальная ценность, национальное достояние, наука, теория, цветные революции, глобализм, критерии, индикаторы.

Современная социальная мысль не оставляет сомнений в том, что время редукционизма миновало. Практически во всех сферах жизни фиксируется рост эмерджентности. Применительно к российскому обществу специалисты сходятся во мнении, что усложнение его функционирования обусловлено рядом накладывающихся друг на друга, внутренних и внешних причин. К числу первых относят то, что оно уже более двух десятилетий находится в состоянии транзитивности, т.е. перехода от одной (советской) шкалы ценностей к новой, пока еще не до конца определенной и освоенной системе взглядов. Во вторую группу детерминант включают то, что российское общество, как и все мировое сообщество, ускоренно отрывается от классического миропонимания и переходит в эпоху глобализма¹.

В ответ на вызовы времени исследователи высказывают разные мнения. Одним кажется, что дилемма поиска и освоения «нового» пути — это проблема преходящая или «сезонная», решение которой подвластно во многом самому времени. Они полагают, что после общественного выбора и цивилизационного поворота наступит очередная эпоха стабильного и планомерного освоения обновленной картины мира. Свои ожидания основывают на заверениях знатоков кибернетики о том, что критическое состояние системы заканчивается нахождением нового устойчивого состояния². Другие небеспочвенно сомневаются в такой позиции. Утверждают,

что переходный период уже пройден, а неопределенность и нескончаемые турбулентности — качества искомого пути. Нестабильность рассматривают как норму жизни, которой имманентны процессы внезапных ускорений, резких замедлений и даже неожиданных возвратов в прошлое.

Отечественная юридическая мысль не упускает из своего вида ни первый, ни второй ряд причин. На философском и общетеоретическом уровне находят отражение идеи о необходимости познания права транзитивного типа³ и разрешения сложностей, связанных с его реализацией в условиях глобализации⁴. Издаются произведения, в которых излагаются результаты осмысления вопросов развития государства в условиях перехода от одного общественно-политического строя к другому⁵. Выходят в свет статьи с озабоченностями ократно увеличивающихся в эпоху глобализации рисках и о неэффективности прежних юридических механизмов в деле противодействия угрозам безопасности.

Существование заявленных проблем осознается и отслеживается властью. Каждый из ее институтов в силу своей компетенции заинтересован в стабильных условиях общежития. Однако их внимание к теме нельзя признать исчерпывающим и комплексным. В оценке издержек трансформационных процессов они полагаются в ос-

¹ Социальное знание на службе российского общества / Научный совет Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Экономика и социология знания». М., 2010.

² См.: Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М., 1959. С. 280, 388.

³ См., напр.: Марченко М.Н. Государство и право переходного типа // Проблемы теории государства и права. М., 1999. С. 106–143;

⁴ См., напр.: Малахов В.С. Государство в условиях глобализации. М., 2007; Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2012.

⁵ См., напр.: Сорокин В.В. Теория государства и права переходного периода: учебник. Новосибирск, 2008.

новном на осмотрительность и рассудительность правоохранительных и иных специальных органов. В меньшей степени опираются на возможности гражданского общества. Об уровне понимания властями окружающей обстановки можно судить по принятию отдельных законодательных актов, которые отличаются своей локальностью и узкой направленностью на противодействие, к примеру, проявлениям экстремизма, терроризма, их финансированию.

Сложнее обстоит дело с восприятием и адаптацией отмеченных процессов в отдельных отраслях права. На их уровне ощущается дефицит внимания специалистов к социальному контексту национального права и его готовности к действию в условиях глобализирующегося мира. Ряд из них продолжает концентрировать свои усилия преимущественно на организационно-структурных качествах правовой системы, т.е. на ее статике. Усердно обосновывают необходимость поиска четких и юридически непротиворечивых механизмов реализации права⁶, что вряд ли вообще достижимо в условиях нарастающего объема законодательного материала. Предлагают не проявлять беспокойства и развивать сложившиеся еще в XVIII–XIX вв. идеи права, приспособив их к новым реалиям⁷.

Однако социальная практика свидетельствует, что объективных оснований для умиротворения не имеется. Только один пример из современной жизни способен убедить в том, что представители отдельных отраслей права еще не до конца осознают последствия наступающих и в определенной мере уже наступивших для ряда стран перемен. Речь идет о так называемых цветных революциях, одна из отличительных особенностей которых состоит в стремлении подорвать общество изнутри, за счет внутренних противоречий и сил либо сместить его политический режим (Сирия, Египет, Украина), либо вовсе лишить социум всякой формы правления (Ливия, Ирак).

Для достижения отмеченной цели объектом агрессии выбирается национальное право, которое рассматривается как основная преграда на пути реализации интервентами своих интересов. Используется «слабость» правовой системы, ее негибкость и рудиментарность в оценках своего места и роли в текущих социальных процессах, а также неспособность рассмотреть себя в качестве объекта посягательств, противостоять угрозам, мобилизовывать своих субъектов к отражению различного рода атак.

Иными словами, активным и главным образом эксплуатируется неспособность системы на-

ционального права к саморефлексии, т.е. к производству знания о своем состоянии и основанной на нем уверенности субъектов в собственной правоспособности. Дефицит этих знаний, которые в составе правового организма выполняют иммунную функцию (сопротивляемость к чужеродным инвазиям), замещается «фейками» о порочности органов правопорядка через их ассоциирование с дискредитировавшей себя политической властью, о нелегитимности других институтов публичного права по причине их неэффективности в разрешении социальных проблем, а также о необходимости отвержения предусмотренных избирательным правом средств и механизмов по политико-правовому сдерживанию и разрешению общественных междоусобиц в связи с их тотальной зависимостью от бюрократии, высокой степенью фальсифицируемости.

К восприятию, распознаванию и тем более к активному отражению таких агрессий отечественное право, надо признать, не готово. В наличии имеются лишь единичные нормы (например, ст. 278, 279 УК РФ), которые не предназначены и даже в условиях крайней необходимости по многим своим параметрам не будут пригодны для противодействия так называемым мягким технологиям, успешно используемым сегодня для изменения конституционного строя либо нарушения территориальной целостности государств.

Но самый главный недостаток состоит в статичных мировоззренческих установках действующего права, которые основаны на классических теориях равновесия и готовы только к простому повторению производства тождественного. Они не предрасположены, говоря словами Н. Лумана, к оперативному и непрерывному самообновлению, непрерывному воспроизводству и констелляции элементов для нового вида стабильности — динамической стабильности⁸. Отраслевые юридические дисциплины продолжают рассматривать свой объект, по классификации В.С. Стёпина, как простую (малую) систему⁹ или как «продукт», предназначенный для сугубо внутреннего («местечкового»), в основном межличностного «употребления». Они еще слабо допускают, что в защите могут нуждаться не только конкретные блага, межсубъектные связи и отношения, которые охраняются законом, но и само по себе внутреннее право как саморегулирующаяся, саморазвивающаяся, устойчиво воспроизводящаяся и сложная организованность.

В зарубежных прикладных исследованиях к издержкам переходных периодов приковано пристальное внимание. Специалисты признают,

⁶ См., напр.: Черненко А.К. Современные проблемы качества закона и механизмы его реализации // Вестник НГУ. Сер. Право. 2006. Т. 2. Вып. 1. С. 72.

⁷ Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. № 4. С. 138.

⁸ См.: Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007. С. 83–84.

⁹ См.: Стёпин В.С. Системность объектов научного познания и типы рациональности // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 1. С. 65–66.

что присущая им чрезвычайная разрушительная сила оказала на них отрезвляющее воздействие и способствовала появлению мощной критики традиционного понимания права, переоценке форм современного правового сознания. Подтолкнуло к развитию междисциплинарной области «правосудия переходного периода», включающей набор институтов различных отраслей права. Привело к поиску нового понимания права на стыке национальных и транснациональных интересов. Обратило внимание на появление ранее неизвестного объекта правового урегулирования, состав которого образуют конфликтующие социальные рациональности¹⁰.

Значительные усилия иностранных коллег сосредоточены на обосновании необходимости защиты гражданского общества как основной и движущей силы любого правопорядка от спекулятивных политических решений и рефлекторно следующих за ними форм правотворчества. Изучаются особенности поведения судебных и иных правоприменительных органов в «переходные периоды», их роль в обеспечении правопорядка при противостоянии и смене разных политических режимов. Оцениваются возможности юстиции по сохранению своей независимости от противостоящих сторон¹¹.

Транзитивные процессы демонстрируют убедительные примеры. Они, конечно, не исчерпывают всех видов угроз, которые могут довлеть над правом как над социальной ценностью и национальным достоянием. Трансформации выявляют только один из множества срезов рассматриваемой темы. Поиск других видов опасностей можно продолжить. Однако уже на данном этапе возможно и важно обратить внимание на то, что проблемы права обусловлены не только издержками социальных модификаций. Свой вклад в снижение состоятельности права вносит несовершенство познавательного процесса, который в ответ на злобу дня не предлагает методологических средств, позволяющих на институциональном и концептуальном уровнях отслеживать соответствующие риски, а в целом ориентироваться праву и его субъектам в перманентно меняющемся обществе и мире, в условиях становления новых правил их взаимодействия.

Разработка соответствующей концепции должна предоставить возможность постоянного измерения состояния права, контроля за процессами правообразования и применения, отграничения ложных характеристик права от действительных. Конструирование модели по оценке состояния права на базе основных и не вызывающих существенных споров показателей позволит также избегать произвола

в его трактовке, не допускать смешения выбранных индикаторов с произвольным набором значений, а на бытовом уровне — получать потребителям наиболее достоверную и исчерпывающую информацию о праве. Современное повседневное знание, как отмечают И.Т. Касавин и С.П. Щавелёв, теряет прежние ориентиры и требует быстрых изменений. В нуждах собственной адаптации и безопасности, люди должны узнавать все больше и больше об окружающих их людях, продуктах, товарах и т.д.¹²

Поэтому основная задача соответствующей концепции должна в конечном итоге состоять, говоря словами Г.В. Мальцева, в обеспечении правовой организации способностью: а) воспринимать информацию извне, использовать ее для перехода в новое состояние; б) сохранять на каждом новом витке своего развития равновесие, устойчивость; в) обновлять свои элементы и структуры, подтверждая собственную идентичность¹³.

На наш взгляд, работу по изысканию теоретических оснований для удовлетворения отмеченных нужд, актуально начать с рассмотрения гносеологического потенциала категории «состояние права». Это предложение не покажется чем-то новым или необычным. Возможно, специалисты укажут на то, что процесс оценки состояния права уже относительно давно запущен и с определенным успехом совершается. Наименования исследований перенасыщены ссылками на усилия модераторов по оценке «состояния» явлений и процессов, связанных с функционированием правовых механизмов. Массовая сосредоточенность на производимых этими механизмами показателях порой создает впечатление об определенной отработанности темы.

Но авторы и не ставят задачи кого-либо удивить. Они преследуют цель лишь обратить внимание на множество юридических источников, которым во многом невольно и неосознанно для их пользователей выкристаллизована категория «состояние». Большинству правоведов она известна и в меру понятна. «Состояние» широко и часто обиходно используется ими в различных правовых контекстах и текстах, но еще не признано и не обосновано как понятие, имеющее собственное значение и место в теории.

В отличие от гуманитарных наук категория «состояния» уже продолжительное время более определено, предметно и инструментально используется в естественнонаучных отраслях знания. В физике, например, без понятия «состояние» не обходится ни одна фундаментальная физическая теория. Несмотря на существенную разницу в познаваемых объектах и процессах, общность

¹⁰ Zumbansen P.C. Transitional Justice in a Transnational World: The Ambiguous Role of Law (December 9, 2008). CLPE Research Paper. 2008. № 40.

¹¹ Dyzenhaus D. Judicial Independence, Transitional Justice and the Rule of Law, *Otago Law Review*. 2003. Vol. 345. № 10.

¹² См.: Касавин И.Т., Щавелёв С.П. Анализ повседневности. М., 2004. С. 261–262.

¹³ См.: Мальцев Г.В. Социальные основания права / Г.В. Мальцев. М., 2013. С. 7.

всех этих теорий проявляется прежде всего в том, что они вводят в качестве узлового понятия — понятие *состояния физической системы*. Для ее определения и характеристики предназначены важнейшие физические величины, а также совокупность координат и импульсов. Примечательно и то, что фундаментальные динамические теории существенно отличаются от фундаментальных статистических теорий только в *одном* отношении — *в способе определения состояния*¹⁴.

В постклассической физике положение «состояния» изменилось. Из ряда ключевых категорий она перешла в статус основополагающего понятия квантовой теории¹⁵. Сегодня признается, что квантовая теория фактически и есть наука о состояниях, их количественном описании. Через методологическое и логическое значения категории «состояние» познаются смысл и закономерности физического мира¹⁶.

Математика, которая, в отличие от физики, не имеет дело с эмпирическим миром и оперирует исключительно с абстракциями, тем не менее находится в схожем с ней положении. Решение ее задач не обходится без понятия «состояние». Из-за их неопределенного числа в математике принято использовать специальное определение, в котором соответствующие состояния хоть как-то группируются. Речь идет о фазовом пространстве как пространстве, в котором представлено множество всех состояний системы, так что каждому возможному состоянию соответствует единственная точка, а эволюция этой системы обозначается перемещением обозначенной точки¹⁷.

Не менее активно понятие «состояние» используется в технических науках. Сегодня в них разрабатываются системы по управлению состоянием человека¹⁸. Не отличается чем-то особенным положение отмеченной категории и в экономической теории. Определения ее главных понятий подчинены характеристике состояния экономики. При этом дело не ограничивается имплементацией в их содержание ссылки на «состояние». Наименование ряда ключевых дефиниций напрямую происходит от греч. *statis* (состояние). Полезным для правоведения примером служит понятие «гомеостазис», под которым подразумевается стремление и способность

экономической системы сохранять равновесное состояние, характеризующее устойчивость, стабильность и консервативность системы.

Нельзя не упомянуть и про философию с психологией, представители которых ведут давний диалог о понимании «состояния» и о своих возможностях в познании данной категории. После объективации психологии между отраслями возникла конкуренция. Каждая из них сначала пыталась по своему выяснять взаимоотношения между основными состояниями сознания (ощущения, чувственные впечатления, представления, эмоции), диспозициями (эмоциональные установки, формы убежденности), психическими действиями (переживания, тенденции, акты воли) и возможностями (знание, понимание).

Однако после безуспешных попыток последкартовской философии и психологии из процессов «внутренних» вывести процессы «внешние» и на этом основании отмежеваться друг от друга, остановились на том, что объектом психологического познания будут являться преимущественно эмоциональные состояния, а предметом философского интереса — состояние и нормы мышления, их возможности при постижении реальности¹⁹.

На высокую степень укорененности «состояния» в основаниях психологии указывает то, что под самой психологией подразумевается наука о психических процессах, состояниях и свойствах личности. В отечественной литературе более или менее подробно освоено и описано свыше 40 базисных состояний. Общепринято выделять три уровня психической активности с соответствующими им состояниями: 1) состояние повышенной психической активности (счастье, восторг, экстаз, тревога, страх и т.д.); 2) состояния средней (оптимальной) психической активности (спокойствие, симпатия, готовность, заинтересованность и т.д.); 3) состояния пониженной психической активности (грезы, грусть, утомление, рассеянность, кризисное состояние и т.д.).

Для отечественного правоведения показательным, что в современных работах наряду с исследованием отдельных психических состояний отмечается и актуализируется поворот к изучению состояния человека как целого, его психического состояния вообще. Специалисты отдают отчет, что без выработки общего понимания невозможна качественная и успешная разработка частных проблем. Предлагают концептуально объединить представления о категории состояния, психических состояниях, личности²⁰.

¹⁴ См.: Мякишев Г.Я. Общая структура фундаментальных физических теорий и понятие состояния // *Физическая теория*. М., 1980. С. 420–436.

¹⁵ См., напр.: Блохинцев Д.И. Основы квантовой механики. М., 1961. С. 53; Фок В.А. Квантовая физика и строение материи. Л., 1965. С. 12–13.

¹⁶ См.: Доронин С.И. Квантовая магия. СПб., 2007.

¹⁷ См.: Бом Д. Причинность и случайность в современной физике. М., 1959. С. 153; Нейман И. фон. Математические основы квантовой механики. М., 1964. С. 250.

¹⁸ См., напр.: Попечителей Е.П. Система технических методов управления состоянием человека // *Физиотерапевт*. 2010. № 11. С. 4–11.

¹⁹ См.: Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 95–97, 138–139.

²⁰ См., напр.: Лёвкин В.Е. Психические состояния и общее состояние человека (из серии «Аспекты философии психологии») // *Человек в зеркалах гуманитарного познания: сб. ст. Тюмень*, 2002. С. 61–76.

Летоисчисление «состояния» как объекта философского осмысления берет свое начало с Аристотеля, который уже в свою бытность заметил его и отличал состояние вещи от ее свойств. Он отождествлял состояния с видами качеств и усматривал их проявление в определенных отношениях. Неоценимый вклад в развитие названного понятия внесли И. Кант и Г. Гегель. Если первый работал с состоянием еще как с философской категорией и понимал под ней конкретные формы проявления бытия субстанции, то второй довел ее уже до статуса общенаучного понятия. Он связал эту категорию с мерой. Меры и положенные с ними самостоятельности, по мнению мыслителя, низводятся до состояний, конкретизируются в них, получают в состояниях свое наличное бытие. Состояние представляет собой «снятую» (объективированную) меру.

Последовавшее внимание различных философских школ к отмеченной категории привело к ее широкому употреблению. «Состояние» стало применяться к оценке и характеристике различных государств, культур, наук и т.д.²¹

Результаты современной философской мысли о категории «состояние» основательно подытожены в монографии А.Л. Симанова «Понятие “состояние” как философская категория». Проанализировав взгляды различных философов, автор обратил внимание на необходимость понимания того, что состояние объекта обусловлено внешними и внутренними взаимодействиями и формируется ими, т.е. состояние обусловлено как внешним окружением, так и внутренним миром. При этом не состояние объекта задается характеристиками, а характеристики определяются его состоянием. Точнее, в процессе изучения объекта выделяется то или иное его состояние, которое описывается выбираемым нами набором характеристик, а величины их определяются состоянием объекта²².

Далее не видим нужды обосновывать то, что понятия из других отраслей науки не должны механически копироваться теорией права. Представляется разумным, что практика использования отмеченной категории иными дисциплинами должна восприниматься апологетами права лишь в качестве полезного для них опыта. Демонстрация примеров преследовала цель обратить внимание на общенаучный статус рассматриваемого методологического средства, поскольку оно отвечает требованиям универсальности, внутренней имманентности всей науки в целом и каждой ее отдельной отрасли. «Состояние» как одно из методологических средств отражает суть всей методологии, поскольку, говоря словами Д.А. Керимова, также представляет собой концептуальное единство ряда компонентов, базис

для определенной группы знаний и познавательный стержень для любой отрасли науки²³.

Не вызывает сомнения, что столь же высокое положение отмеченная категория должна занимать в теории права. Вероятно, с появлением и обоснованием дефиниции «состояние права» возникнет необходимость преобразования того гносеологического ряда, который обслуживает действующую систему права. Нужно предвидеть переподчинение некоторых категорий. Возможно, одни обретут свой конечный смысл, а другие — его утратят. Быть может, «состояние права» как объект научно-практического осмысления сегодня вообще не состоится и сможет лишь спустя время занять свое место в теории права.

Основания для пессимизма имеются. Обзор источников свидетельствует, что «состояние права» еще нельзя назвать дефиницией и уж тем более понятием. Ни одного, ни другого в литературе в более или менее раскрытом виде не замечено. Но при всей кажущейся только на первый взгляд неюридичности и даже обыденности исследуемой категории полагаем, что ее нельзя списывать со счетов или как ранее обращаться с ней пренебрежительно. Так или иначе, она востребована и профессиональным сообществом, и обывателем, вовлечена в их тезаурус. Более того, само право наполнено отдельными состояниями, которые еще не собраны воедино на уровне его теории, но уже являются составными частями более общего понятия — «состояния права».

Необходимые задатки для начала конструирования рассматриваемого понятия уже имеются. Опыт других отраслей знания служит хорошим подспорьем. Полагаясь на него и на общенаучный статус изучаемого явления можно с уверенностью констатировать, что искомое понятие не должно каким-либо принципиальным образом отличаться от значений, данных ему методологиями иных областей науки. При этом его специфика должна определяться особенностями права как объекта, функцией и целью его познания. Тем более у юриспруденции на уровне ее отдельных институтов уже имеется своя практика обращения с различного рода «состояниями».

В цивилистике, например, речь идет в основном о состоянии как об имущественной или личностной состоятельности субъектов предпринимательства. Особое внимание приковано к состоянию участников гражданского оборота, неудовлетворительное положение которого может влечь признание их сделок ничтожными и возвращение в «первоначальное состояние». Не менее активно рассматриваемая категория используется для описания объектов имущественных прав. С ее помощью оценивается состояние

²¹ См., напр.: Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 898–899.

²² См.: Симанов А.Л. Понятие «состояние» как философская категория. Новосибирск, 1982.

²³ См.: Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. 5-е изд. М., 2009. С. 95.

денежных средств, соответствующих рынков и экономического положения сторон.

Отмеченный опыт, безусловно, необходимо иметь в виду при оценке состояния права. Сущность права может быть познана и познается на основе тщательного изучения отдельных правовых проявлений и определения закономерностей их развития. Но не менее очевидно и то, что ни одно из используемых действующим законодательством «состояний» не обращено к праву и к его отраслям, не направлено на целостную оценку их внутренних и внешних форм. Большинство из них заимствованы из других сфер общежития и в праве исполняют роль лишь отдельных индикаторов, побуждающих при определенных значениях правовые механизмы к переходу из потенциального в актуальное состояние. В связи с этим в наиболее пробельном положении находятся общая теория права и ее отрасли. Они еще не обрели той категории, которая с соответствующей ей степенью абстракции могла бы каждой из них и всем вместе служить общим знаменателем.

Возможно, не все специалисты согласятся с «состоянием права» как с претендентом на место искомого знаменателя. Предложат иметь дело, например, с более привычной, воображимой и осязаемой для восприятия системой права и ее состоянием. В системе есть «дробные части» (структура, элементы, субстанция, связь), которые можно выделить, обозреть и подвергнуть (сквозь практическую сферу их бытия) более или менее предметному анализу. Могут также предложить вести речь о качестве и эффективности конкретных институтов или норм законодательства, поскольку они имеют выход в область опыта, где последствия их восприятия субъектами, действия во времени и пространстве могут быть прослежены и измерены средствами правового мониторинга.

Данное предложение, на первый взгляд, может показаться целесообразным. Предпосылки для этого дает определение самого «состояния». По своему смыслу оно небесспорно ассоциируется с явлением системного порядка. Как методологическое средство «состояние» имеет собственную структуру и задает схожую с понятием системы цель по познанию объекта, явления или процесса через исследование совокупности его основных параметров и характеристик в определенный момент времени²⁴. В этом плане изучение состояния системы права вполне приемлемо и в определенной мере уже совершается.

Однако право не ограничивается пределами своей системы, а системность не исчерпывает всех состояний права. Оно является только одним из возможных состояний права, указывающих в основном на упорядоченность, внутреннюю согласованность и дифференцированность его норм.

Системность не отвечает за согласованность системы права с внешним миром и его состояниями. За пределами своей компетенции она оставляет также и вопросы о соотносимости состояния системы с состоянием времени или пространства, с социально-экономическим либо политическим самочувствием субъектов права. В связи с этим вполне допустима ситуация, при которой система права может демонстрировать идеальные формы и гармоничные внутренние связи, а состояние права в целом будет оцениваться его основными субъектами как неудовлетворительное.

Причины такого диссонанса и сам факт его возникновения не всегда обнаруживаются в теории и на практике. Чаще отмеченные виды (микро- и макро-) состояний не различают, а все их характеристики ошибочно приписывают состоянию системы права. Упускают из вида и то, что измерение состояния права не ограничивается микро- и макроуровнями. Возможна оценка его самочувствия с метатеоретических позиций.

Фиксации и тем более синхронизации названных видов состояний препятствует отсутствие в теории четкого понимания того, что в действительности состояние имеет отношение и к системе права, и к самому по себе праву. При этом состояние системы права является включаемым, а состояние права — включающим понятием. По своему масштабу и объему «состояние права» шире и вместительней состояния «системы права», поскольку предназначено для характеристики и отражения в том числе несистемных явлений правовой реальности, которые из-за своей второстепенности слабо воспринимаются и редко учитываются системой, но в кризисных условиях играют важную роль в становлении права, оказывают осязаемое влияние на выбор пути его дальнейшего развития.

Состояние «системы права» нетождественно «состоянию права» еще и по другим причинам. У них разные приемы работы с правовой действительностью. Если первое для оценки объекта требует его технологичного и строго логичного разделения на устойчивые элементы, а затем их механического сложения в формат системы права, то второе не просит иметь представление о праве как об арифметически слагаемом явлении и технически сооружаемом устройстве. Напротив, оно исходно реализует динамичную, ситуационную и социально ориентированную программу по собиранию целостного облика права исходя из его разных (рациональной и иррациональной) сторон, не только умозрительного, но и наличного вида.

Значимый вклад в понимание исследуемого явления вносит категория «правовое измерение»²⁵. Можно утверждать, что она сто-

²⁴ Новая философская энциклопедия / под ред. В.С. Стёпина: в 4 т. М., 2001.

²⁵ См.: Шпак В.Ю., Корешникова А.О. Правовое измерение: многообразие определенностей и своеобразие содержания // Философия права. 2007. № 4. С. 34–42.

ит на службе у понятия «состояние права» как у целостно-природного и общественно-единого параметра. «Состояние права» выступает как единство основных измерений. В состоянии как в общепотребительную форму вкладываются различные содержательные выражения права и на его уровне за счет больших абстрактных усилий резюмируются в общую картину.

Поиск завершеного определения категории «состояние права» без сомнения требует проведения дальнейших исследований. Авторы статьи стремились создать для этого необходимые предпосылки, а самое главное — обеспечить постановку проблемы. Уверены, что конкретизации понятия «состояние права» будет способствовать установление совокупности показателей и индикаторов, отражающих состояние исследуемого объекта.

Список литературы:

1. Блохинцев Д.И. Основы квантовой механики. М., 1961.
2. Бом Д. Причинность и случайность в современной физике. М., 1959.
3. Доронин С.И. Квантовая магия. СПб., 2007.
4. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2012.
5. Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 5-е изд. М., 2009.
6. Лёвкин В.Е. Психические состояния и общее состояние человека (из серии «Аспекты философии психологии») // Человек в зеркалах гуманитарного познания: сб. ст. Тюмень, 2002.
7. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
8. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007.
9. Малахов В.С. Государство в условиях глобализации. М., 2007.
10. Мальцев Г.В. Социальные основания права / Г.В. Мальцев. М., 2013.
11. Марченко М.Н. Государство и право переходного типа // Проблемы теории государства и права. М., 1999.
12. Мякишев Г.Я. Общая структура фундаментальных физических теорий и понятие состояния // Физическая теория. М., 1980.
13. Нейман И. фон. Математические основы квантовой механики. М., 1964.
14. Новая философская энциклопедия / под ред. В.С. Стёпина: в 4 т. М., 2001.
15. Попечителей Е.П. Система технических методов управления состоянием человека // Физиотерапевт. 2010. № 11.
16. Симанов А.Л. Понятие «состояние» как философская категория. Новосибирск, 1982.
17. Сорокин В.В. Теория государства и права переходного периода: учебник. Новосибирск, 2008.
18. Социальное знание на службе российского общества / Научный совет Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Экономика и социология знания». М., 2010.
19. Стёпин В.С. Системность объектов научного познания и типы рациональности // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 1.
20. Фок В.А. Квантовая физика и строение материи. Л., 1965.
21. Черненко А.К. Современные проблемы качества закона и механизмы его реализации // Вестник НГУ. Сер. Право. 2006. Т. 2. Вып. 1.
22. Шпак В.Ю., Корешникова А.О. Правовое измерение: многообразие определенностей и своеобразие содержания // Философия права. 2007. №4.
23. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009.
24. Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М., 1959.
25. Dyzenhaus D. Judicial Independence, Transitional Justice and the Rule of Law, *Otago Law Review*. 2003. Vol. 345. № 10.
26. Zumbansen P.C. Transitional Justice in a Transnational World: The Ambiguous Role of Law (December 9, 2008). CLPE Research Paper. 2008. № 40.

«State Law» as an Object of Scientific and Practical Comprehension

Shultz V.L.

Doctor of Philosophy, professor, Correspondent Member
of the Russian Academy of Sciences, Vice-President
of the Russian Academy of Sciences

Bochkarev S.A.

PhD in Law, senior researcher,
Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences;
E-mail: bochkarvs@mail.ru

Abstract. *The article raised and offered to discuss the possibility of considering the «condition of law» as an object of scientific and practical thinking. It is noted that these categories are often used in different contexts and legal texts but has not yet been recognized and is not justified as a concept, has its own importance and place in the theory. Suggested that «condition law» can be an effective methodological tool to operate with the current social and globalization processes.*

Keywords: *law, condition law, social values, national heritage, science, theory, color revolutions, globalism, criteria, indicators.*

References:

1. Blohincev D.I. Osnovy kvantovoi mehaniki. M., 1961.
2. Bom D. Prichinnost' i sluchainost' v sovremennoi fizike. M., 1959.
3. Doronin S.I. Kvantovaya magiya. SPb., 2007.
4. Zor'kin V.D. Pravo v usloviyah global'nyh peremen. M., 2012.
5. Kerimov D.A. Metodologiya prava: Predmet, funkcii, problemy filosofii prava. 5-e izd. M., 2009.
6. Levkin V.E. Psichicheskie sostoyaniya i obshee sostoyanie cheloveka (iz serii «Aspekty filosofii psihologii») // Chelovek v zerkalah gumanitarnogo poznaniya: sb. st. Tyumen', 2002.
7. Lektorskii V.A. Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya. M., 2001.